

Однако более двадцати лет назад Лянь Циншань, вынужденно принявший пост главы школы вместо пропавшего младшего брата по учению Чи Фэнляня, стал свидетелем постепенного упадка Школы Бэйван. А три года назад из-за одного происшествия она и вовсе превратилась в посмешище всего уся.

Три года назад Лянь Циншань потерпел сокрушительное поражение. Всего в десяти приёмах он проиграл никому не известному юнцу, едва достигшему совершеннолетия.

С тех пор он так и не смог оправиться.

Сегодня, спустя три года, Лянь Циншань устраивает Церемонию омовения рук в золотом тазу. Во-первых, он осознаёт, что его способностей и дарований недостаточно для бремени руководства, и лучше поскорее объявить об уходе, чем продолжать вредить репутации школы. Во-вторых, он искренне беспокоится о своих юных учениках и надеется, что эта церемония позволит им засветиться перед старшими других школ, чтобы в будущих странствиях по реке и озерам за ними было кому присмотреть.

Но кто бы мог подумать, что стоит человеку уйти, как чай остывает. Бывшие союзники, прежде столь услужливые, получив приглашения, либо не ответили вовсе, либо отговорились занятостью — мол, «пути вдаль не близки, мирские дела обременяют». Они не только не соизволили пожаловать лично, но даже прислать ученика для соблюдения приличий согласились единицы. Прошло полдня, а гостей можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Ученики Школы Бэйван кипели от возмущения, но не желали, чтобы их наставник узнал горькую правду и предстал перед жалким закатом своих дней в полном одиночестве. И вот, движимые сыновней почтительностью, они втайне от Ляня Циншаня наняли кучку прохожих, наскряб переодели их в учеников разных школ, чтобы увеличить число гостей, и разыграли весь этот шумный спектакль.

Старший брат-ученик Чжан, вкратце изложив предысторию, повёл троих украдкой в переулок, маша рукой и шепча: «Заходим в дом, переодеваемся».

Фань Сяо, всегда готовый подлить масла в огонь и словно обретший откуда-то смелость, подталкивал неохотно идущего А Цзю к дверям.

Из-за медлительности А Цзю младшая сестра-ученица, отвечавшая за распределение ролей и подсчёт голов, уже успела вернуться в дом и ждала их. Увидев, что её старший брат Чжан наконец-то привёл людей, она сердито топнула ногой: «Старший брат Чжан, не копайся! Вода в золотом тазу, в котором наш наставник будет омыwać руки, уже протухнет!»

Невинно оклеветанный старший брат Чжан потёр затылок и хихикнул, не в силах оторваться от очаровательно сердитого выражения лица младшей сестры.

Моя младшая сестричка такая милая!

Он поспешил доложить: «Младшая сестра, людей привёл! Троих, живых!»

Младшая сестра перевела взгляд на двоих, стоявших за спиной старшего брата Чжана.

Младшая сестра: «!!!»

Старший брат Чжан: «? Младшая сестра?»

Младшая сестра, покраснев, подошла к старшему брату Чжану и с важным видом пожала ему руку, словно передавая какую-то таинственную силу.

«Старший брат Чжан, поделись со мной толикой везения в любви. Вот такие — подходят, очень даже подходят».

Старший брат Чжан ничего не понял, но внутренне ликовал: «???»

Младшая сестра отпустила его руку, прочистила горло и, обратившись к А Цзю и Тан Шаотану, сделала рукой жест «баоцюань»: «Кхм, так вот... одежды Братства Нищих не хватило, придётся вам...»

Старший брат Чжан перебил: «Создать видимость? Это мне! Я в этом деле собаку съел!»

«Пойдёмте на задний двор, у нас там есть грязевой пруд — покатайтесь, одежду изорвёте и сразу станете настоящими нищенскими братьями!»

Воздух на мгновение застыл. А Цзю медленно повернул голову и осклабился в ледящей душу улыбке. Старший брат Чжан невольно вздрогнул.

В памяти всплыли детские забавы, когда он накрывался простынёй, притворяясь призраком, и получал тумаков от старших братьев и сестёр по учению. Он ясно понял, что именно такой зловещей и мрачной атмосферы, какую он тогда пытался изобразить, сейчас и достиг.

Старший брат Чжан попытался договориться: «А может... я покатаюсь, а вы просто наденете?»

Тан Шаотань слегка нахмурился. Одежду эту взяли из жилища А Цзю, ему она не принадлежала, а значит, и права распоряжаться ею у него не было.

«Старший брат, что за вздор ты опять несёшь! Эти почтенные гости пришли помочь, как мы можем выставлять такие нелепые требования!» — благоразумная младшая сестра вовремя вставила слово, разряжая обстановку. — «У тебя же есть несколько старых серых вещей? Давай сюда, я их порежу-подправлю, и сойдёт!»

Младшая сестра уже достала ножницы, полная энтузиазма.

Старший брат Чжан: «...»

Моя младшая сестричка — самая милая на свете!

Но...

Старший брат Чжан тихо пробурчал: «Но это же мои единственные одежды».

Младшая сестра наставительно отчитала его: «Милость наставника тяжелее горы! Неужели она не стоит нескольких стареньких одежек старшего брата?»

Под напором младшей сестры, размахивавшей ножницами, старший брат Чжан покорно кивнул, с тоской простился со своими тремя единственными сменными одежками и неохотно вручил их младшей сестре.

У младшей сестры были золотые ручки. Поколдовав две-три минуты, она подала трём «новоиспечённым братьям-нищим» три потрёпанные верхние одежды.

«Верхнюю одежду накиньте, а лицо...»

Лицо слишком белое и чистое, надо бы сажей вымазать.

Но... рука не поднимается!

Младшая сестра, стиснув зубы, боролась с собой, пока наконец чувства не победили разум, и она, против совести, не соврала: «Лицо... лицо и так сойдёт!»

Красавцы!

Старший брат Чжан: «Младшая сестра, ты уверена?»

...

Спустя время, достаточное для чашки чая, троица, приведя себя в порядок, под громкий возглас была приглашена на Церемонию омовения рук в золотом тазу.

«Трое братьев-нищих прибыли с поздравлениями!»

Едва прозвучали эти слова, как двое ослепительно прекрасных, белокожих юных господ под знаменем Братства Нищих гордо вступили во двор, где должна была вот-вот начаться церемония.

Лянь Циншань, как глава школы, конечно, не обязан был лично встречать гостей, тем более таких молодых, что на несколько поколений его младше. Но всё же он был хозяином, поэтому, услышав возглас, издали кивнул, из вежливости и благодарности.

По обычаю, Лянь Циншань должен был бы обменяться парой ничего не значащих любезностей и либо продолжать ждать следующих гостей, либо объявить о начале церемонии.

Но Лянь Циншань не сделал ни того, ни другого. Он уставился на так называемых «братьев-нищих» горящим взором, а рука, поглаживавшая бороду, слегка дёрнулась.

Фань Сяо подумал: «Раскрыли? Так быстро?»

Старший брат Чжан: «...»

Теперь он горько сожалел, что не хватило духу настоять на поездке в грязевую лужу. Хоть на этих троих и были надеты рваные одежды, но где в них хоть капля закалённого ветрами и солнцем духа брата-нищего?

Старший брат Чжан: «Младшая сестра, я же говорил, что раскроют! Смотри, как наставник вытаращился, кажется, сейчас борода дыбом встанет!»

Младшая сестра сладко улыбнулась, пытаясь выкрутиться.

Старший брат Чжан тут же потерял голову: «Не раскроют, не раскроют, у наставника зрение плохое, точно пронесёт».

Моя младшая сестричка — самая милая на свете!

Лянь Циншань указал на одного из «братьев-нищих» и, дрожа, произнёс: «Ты...»

Надежды учеников не оправдались. Лянь Циншань, теперь с седыми волосами и бородой, хоть и ослабел телом, но памятью не страдал.

Было лицо, которое он не забудет до самой смерти.

...

Три года назад.

Лянь Циншань получил письмо от старого друга Фань Цзэчэна. Тот писал, что у ворот Дома Фань объявился подозрительный тип, боевое искусство невероятное, нрав странный, и просил Лянь Циншаня лично проверить его.

Получив письмо, он помчался в уезд Ланьпин без остановок, загнав по дороге одну лошадь. Когда он достиг ворот Дома Фань, лишь слабый свет зари освещал улицу, прохожих почти не было, даже привратники зевали, сонные и ленивые.

Его взгляд сразу же упал на молодого человека у ворот, обнимавшего меч и отдыхавшего с закрытыми глазами. Молодой человек тоже тут же заметил его. В утренней дымке прозвучал холодный вопрос:

«Как тебя зовут?»

Изысканные черты лица, прекрасные брови и глаза, приятный голос... Вопросающий об именах не источал убийственной ауры, однако у Лянь Циншаня от него перехватило дыхание. Другие видели лишь не имеющего себе равных по красоте юношу, а ему почудился вылезший из-под земли, когтистый призрак.

Исход схватки не вызывал сомнений.

Он, глава школы, был повержен всего за десять приёмов. Его жизненное мастерство было разгадано, собственное оружие выбито, и он оказался полностью во власти противника.

Горы сменяются реками, и каждое поколение рождает своих талантов. Молодёжь внушает почтение. И ему оставалось лишь смириться со старостью.

Однако... этот юноша был угрозой.

Обладая в столь юном возрасте высочайшим мастерством, он должен был бы быть полон дерзкого духа. Но в глазах этого молодого человека не было ничего, лишь густая мёртвая пустота.

«Как тебя зовут?»

Он задавал один и тот же вопрос, не размышляя и не проявляя никакой собственной воли, словно был всего лишь марионеткой, управляемой кем-то другим. Десятилетия опыта в реке и озёрах подсказывали Ляню Циншаню, что, скорее всего, это убийца, возвращённый с малых лет. Послушный, без эмоций и чувств.

Но любовь к талантам заставляла его сожалеть о юноше.

В столь юном возрасте он обладал таким дарованием и умением, что мог сравниться с тем, кого в своё время называли Первым в Поднебесной, — Чи Фэнланем.

<http://bllate.org/book/16258/1462654>